„Сов. Россия", 1978, 2 марта

авторитет таланта

СВОЯ БОРОЗДА

ОТЧЕТЛИВО помню несколько ошеломляюще громких вхождений в литературу: порой даже казалось, что шум и гром, произведенный «отворяюшим дверь» сразу с парадного в литературную гостиную, предвещают не иначе, как гения. Но с годами заявители на гения подзатихали. А сами писатели-дебютанты высоко «взявшие голос», случалось, и воистину талантливые литераторы, работали вяло, неохотно или не работали совсем.

А есть другая когорта писателей, близкая и дорогая моему сердцу, которые, надев жесткую лямку, подобно бурлаку, но не ватажкой, а каждый в одиночку преодолевая местное, встречное, порой и противоборствующее течение, тянули свою баржу, груженную несовершенными иногда вторичными материалами, на ходу, в работе преодолевая скованность, чувство неполноценности, неуверенности в себе, материальные невзгоды, и учились, учились, учились. Но учились в работе, в том числе и движения вперед добивались работой, только работой, слабости свои побеждали упорством, внимание читателей, критики и общественности завоевывали опять же усердием в работе, изнурительной, вытягивающей жилы в струну — потому-то все без исключения эти писатели, ныне составляющие головной отряд нашей литературы, выглядят старше своих лет, не могут похвалиться и здоровьем. Среди них судьба Петра Лукича Проскурина совершенно типичная — трудом постоянным, на удивление плодотворным, добился он широкого признания.

А биография его по своему «багажу», объемности и богатству тоже очень похожа на биографии всех, начинавших литературный путь в российских далях, городках, городах и весях! Родился Петр Проскурин на Брянщине, в селе Косицы Севского района. Война прошла по его родной земле, когда он уже был мальчишкой «на ногах» и сразу же после освобождения села, с пятнадцати лет начал работать в колхозе. Жили в землянках, нарытых оккупантами, пахали и сеяли на пашнях, превращенных в минные поля. Картины разрушения, свежие раны, людские и земные, воскресающие пашни, оживающие искалеченные перелески, ребятишки, трофейными гранатами и запалами поувечившие себя или и совсем до смерти подорвавшиеся; вдовьи, сведенные горем лица, выплаканные до дна глаза; радость восстановления колхозов, начало жизни на истерзанной битвами Родине; первый кол, первая избенка, первый урок в школе, первый перебор гармошки за околицей села на давно и вроде бы насовсем умолкшей земле — все это и еще многое-многое другое видели, вобрали в себя растревоженно работающая память, пристальный глаз будущего писателя.

Пока он ломает жизнь и она его тоже — после службы в Советской Армии — Камчатка, Проскурин работает лесорубом, сплавщиком, затем шофером, и здесь же, на Дальнем Востоке, в газете «Тихоокеанская звезда» печатает первый свой рассказ с очень характерным для его поколения названием «Цена хлеба», ибо уж кто-кто, а мальчишки военных лет, припрягавшиеся вместе с матерью к плугу, знали ее, эту самую «цену», и было вполне естественно, что о самом сокровенном рассказывали в первую голову.

В 1960 году в Хабаровске вышел первый роман П. Проскурина «Глубокие раны», уже из названия которого видно и «слышно», о чем он — да, конечно же, о горьких и доблестных днях войны, затем еще несколько книг в разных издательствах. Широкая известность приходит к писателю с появлением романа «Горькие травы».

Учеба на Высших литературных курсах — да будет светла память и вечна наша благодарность тому, кто придумал для писателей это учебное заведение — «наш университет», где мы не только получали знания, но и по-настоящему становились на ноги, приобретали верных друзей, уверенность в своих творческих возможностях.

После столичного (житья-бытья, после той бурной, а чаще суетливой атмосферы, каковая царит в столицах, где «шумят витии», не всем, далеко не всем курсантам удается вновь прижиться «дома», то есть на периферии, П. Проскурин становится московским жителем, работает в газете «Правда» и пишет, пишет, пишет.

Перед упорством и трудолюбием этого писателя я склоняю голову. Плодотворности его остается только позавидовать. И нелегкая жизнь, и напряженный труд наложили на Проскурина свой отпечаток. Не видевший его несколько лет и повстречавшись с ним прошлым летом на литературных перепутьях, я обнаружил у Петра обнажившееся высокое чело, усталые складки, спускающиеся от углов губ,— да, пятьдесят лет есть пятьдесят лет.

Человеку, так умеющему и могущему работать, столь много сделавшему за восемнадцать лет литературной деятельности, венчающему полувековой юбилей эпопеей «Судьба»,— такому человеку совсем ни к чему говорить фольгой светящиеся слова, однако ж не могу не сказать, что сотворение эпопеи считаю творческим подвигом.

Вижу я отчего-то Проскурина не за писательским столом, не напрягшим морщины на «пименовском челе» в творческих муках, а со спины вижу, за плугом. Идет он, держась за горячие, ладонями отшлифованные ручки плуга. Дымится рубаха на его широкой, крутыми лопатками взбугренной спине, скрежещет плуг, лицо заливает соленый пот, но упорно, наклонив голову, напрягшись жилами, ведет он свою прямую и глубокую борозду, припахивая «свой клин» к нашей Великой и вечно молодой литературе, славной не только вдохновением, муками и нравственным величием, но и титаническим трудом на благо своего народа.

Виктор АСТАФЬЕВ.

Вологда.